

18+ Татьяна Игнатьева

Неземное притяжение

Стихи

Татьяна Игнатьева

Неземное притяжение. Стихи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56556797

ISBN 9785005109712

Аннотация

Сборник лирических и философских стихов, написанный за период 2011—2016 гг. Что видит поэт, что чувствует, о чём размышляет – всё преподносится на суд читателей с доверием и благодарностью. Основу издания составили произведения, опубликованные на портале «Стихи».

Содержание

С радостью	6
«Что же вы, мои Сирин и Алконост...»	8
Моя звезда	9
«В небытии былая боль и грусть...»	10
Однодневка	11
Ветер времени	12
«Ты всё время со мною, и осень тому ли виной?..»	13
Кочевники	14
«Сласть переспелок, омытая солью...»	15
«И я об осени! Так что ж...»	17
«Глубины души моей будто извне...»	18
Что в этом сердце	19
Весна – кудесница	21
«Все равно, как ляжет карта – так ли, эдак ...»	22
«Лопнул бамбуковый обод, и нет ведра...»	23
Молитва	25
«Просыпайся... и в миг...»	26
«По-над августом застывшим...»	28
«Мчится Август через поле на малиновом коне...»	29
Ярило	30
Плач Светаны	32

«А слабо прокатиться на лифте за верхний
предел...»

34

Конец ознакомительного фрагмента.

35

Неземное притяжение

Стихи

Татьяна Игнатьева

© Татьяна Игнатьева, 2020

ISBN 978-5-0051-0971-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

С радостью

Когда зарницы время задувало
Дыханьем полутьмы, кидая в сон, —
С моей души снимая покрывало,
Заглядывал в глаза мои Харон.

Немой вопрос бил в сердце громче грома:
«Зачем?..» Но у меня сомненья нет.
Вдыхая содроганья окоёма,
«За радостью!» – кричала я в ответ.

И волны одинокого прощанья,
Теплом любви и нежности обдав,
Отхлынули в пучину мирозданья.
И мир лучом обвился как удав.

За шагом шаг, за болью боль годами.
За криком крик, за далью даль во мгле.
С потерями, неправдами, трудами
Вершился путь по горестной Земле.

Меня маски, меряя одежды,
Отлаживая сотни проб и схем,
Ища Любви, и Веры, и Надежды
С неммым недоумением: зачем?

Но вдруг в ночи – оно всегда внезапно —
Под ложечкой кольнёт – ну, всё, пора...
Любимый взгляд последней болью-каплей
Глядит мне в душу молча до утра.

Но покрывало вновь согреет плечи,
И успокоит вмиг вопрос немой:
«Ты с чем?..» – и я рванусь ему навстречу,
Отвечу тихо: «С радостью, домой...»

«Что же вы, мои Сирин и Алконост...»

Что же вы, мои Сирин и Алконост,
Не поёте, не рвёте звенящих струн!
Заплетают косицы летящий мост,
Что из звёздно-кристальных янтарных рун.

По нему я пойду в тишине одна.
Даже вы не взлетите за мною вслед.
Три крыла на двоих – эта мера сна
За туманную бездну тягучих лет.

Встрепенитесь, взметнитесь, сорвите сны
Звуком горького сердца и сладких слов!
То печалью, то радостью тишины
Пусть сияет дорога моя в любовь.

Моя звезда

В необъятной Вселенной, где звёздам нет просто числа,
В буйном вареве времени, что равносильно нулю —
Есть родная звезда для меня – так незримо светла,
Что, не ведая как, я её бесконечно люблю.

Даже если дожди заслонили небесный экран,
Даже если лучи полнолетнего солнца в глазах —
Я услышу её тонким эхом сердечных мембран,
Я увижу её отраженьем в твоих бирюзах.

Непрерывным дыханием в том озаренье живу,
И уже не могу без её неземного тепла.
Даже снится порою, что свиделись мы наяву,
Что былинкой душа моя там навсегда проросла.

Будет утро погожее, верю – откроется путь.
Мои крылья уже в переливчатом звоне пера.
И мечты оживут, ожиданий осталось чуть-чуть.
Моя звёздочка мне подмигнёт: собирайся, пора!

«В небытии былая боль и грусть...»

В небытии былая боль и грусть.
А новое – ещё с превышей болью.
Но сердца жар клокочет своевольем:
Пусть содраны колени, локти – пусть!

Как будто – в мир – по родовым путям,
Отринув лоскуты отжившей кожи.
Их за собой тащить – себе дороже,
Долой! Утёнок гадкий – к лебедям!

И вот опять безмолвие... Исток
Уже в тебе, могуществен и светел.
И на лету срывает вольный ветер
Остатки сладких слёз с холодных щёк.

Однодневка

Ах, это жизнь! Я дышу, я вдыхаю рожденье.
Чая глоток и глоток лучезарного света.
Ветер в лицо завершает моё пробужденье.
Птичий привет растворяет былые приметы.

Дробь каблуков рассыпается в джазе проспектов.
Встречи случайные будто бы вспышки квазаров.
Перебирает субъект моего интеллекта
Порции офисов, скверов, трамваев, базаров.

Мячиком в ритме сердечном взлетают минуты,
В каждой – такое обилие новых явлений!
Очарование цветом коварной цикуты —
Вот и вспорхнуло, как бабочка, стихотворенье.

Матрица плавится, день откипает и никнет.
Бабочку ждёт утоление капелькой влаги.
Небо срезает дождя отшумевшего нити.
Благодарю тебя, жизнь моя, жизнь моя, благо...

Ветер времени

«Трудись, летописец!

Ветер времени листает страницы судьбы».

Дмитрий Балашов.

Не увидеть воздушный поток, не схватиться рукой.
Этот ветер такой многозвучный, такой вековечный!
А в летящей походке монаха глубинный покой,
Будто путь у него не земной, а заоблачно-млечный.

Только ветви деревьев, послушные воле стихий,
Танец ветра рисуют в полотнах бессмертных идиллий.
И в высоком полёте тугих золотых литургий
Будет плавать душа безо всяких телесных усилий.

Пожелтевшие свитки вдохнут упоительный свет
Одинокой свечи в полуночном старанье светила.
А на выдохе чаяньем ветра в безвременье лет
У трудов летописца проявится горняя сила.

Как обилье галактик в сиянии радужных брызг
Разлетается снова и снова у нас под ногами —
Так великая истина времени – попросту вдрызг!
И не важно уже – то ли Богом сквозит, то ли нами.

«Ты всё время со мною, и осень тому ли виной?..»

Ты всё время со мною, и осень тому ли виной?
То ли сон, то ли явь, то ли тает завеса мечты —
Только в радости дышится северной той стороной,
Где однажды оставил мне душу бессмертную ты.

Я тебя узнаю в каждом взгляде тугих облаков,
Наши общие тропки черчу на ладонях судьбы.
И уже научилась за тысячи светлых веков
Обнимать твоё сердце без помощи сил ворожбы.

А теперь улетай... Мне отраднo смотреть в небеса,
Прижимаясь щекой к белоснежной одежде берёз.
И пока меня держит родная земная краса —
Переполнено сердце волною ликующих слёз.

Кочевники

Бесконечным простором сквозим через все времена,
Из вселенского лука стрелюю запущены в свет —
Разномастной, и дикой, и вольной души племена.
По великим законам несём кочевой свой обет.

Удержать нас не могут ни страх, ни цари, ни тюрьма,
Ни земная любовь, ни стихийный разгул непогод.
Нас ведёт без начала и края дорога сама.
Даже как – нам, порою, самим непонятно – ведёт.

Только встретится вдруг несказанной красоты уголок —
Больно сердце забьётся, грозя всё нутро распахнуть.
И покажется – вот он, скитаний закончился срок...
Но опять же, опять продолжаем неведомый путь.

Где-то ждёт не дождётся предел, сотворённый судьбой.
Он влекомее рая, желаннее всех панацей.
А пока мы, послушные той тетиве неземной,
Всё летим, возгорая в душе незабвенную цель.

«Сласть переспелок, омытая солью...»

*«В путь журавлиный любовь провожаю.
Встретимся, милый, с тобой в поднебесье...»
Вирява.*

Сласть переспелок, омытая солью,
В сердце вползает непрошенной болью.
Что же ты, осень, играешь со мною
Вне всяких правил!

Мы провожаем журавликов в небо,
Веруя в белую долгую небыль,
Будто бы в крепе – под пепельным снегом
Лето оставив.

Пусто пред чистым иным заполненьем,
Только любви не живётся в смятенье.
Остро отточенным ангельским пеньем
Душу кровавим.

Встретимся, милый, но только не знаю —
Будем ли снова ровесники маю.
Может, бумажным журавликом к раю
Путь свой направим...

«И я об осени! Так что ж...»

И я об осени! Так что ж...
Сдвигая мир мореной мокрой,
Несётся небо. Мглистой охрой
Укутав галочий галдёж,
Деревья гнутся под дождём.
И от моей ладони тёплой
Кленовый парус цвета свёклы
Скользит по луже. Поплывём! —
Взывает радостно ко мне.
Но как же мне за ним угнаться!
Срывает ворох ассигнаций
С берёзы в золотом огне
Поспешно ветер. Всё летит,
Как в шторм захваченная шхуна!
Куда же тянет мир подлунный
Осенний чистящий магнит?

«Глубины души моей будто извне...»

*«Как в шарике ярком – в душе пустота,
Но где-то, в глубинах – я всё ещё та:
Такая живая-живая!»
Марина Чекина*

Глубины души моей будто извне
Раскрылись слепящей глаза новизне,
А что, и такое бывает.

И шарик воздушный всей жизни моей
Взлетает над пропастью прожитых дней
В полёте слегка остывая.

Накрасить ресницы, надеть каблуки,
Шагнуть в быстрину человеческой реки —
А вот я какая – и здрасте...

Всё «кружится-кружится шар голубой»,
Уносит меня неизвестный прибор
Живую в живое – и баста!

Что в этом сердце

Как было бы просто назваться снегурочкой нежной,
Загадкой из леса, дикаркой, пытающей счастья.
Души леденящую хрупкость убрать под одежды
Романтики, мнящейся мира заглавную частью.

Но что в этом сердце, в сияющем трепетном сгустке?
Сама заглянула лишь чуть в небывлые пределы...
Там вечер январский уводит дорожку хрусткой
Туда, где согреться душа моя вечно хотела.

Порой прохожу там, где шагу ступить невозможно,
И жажду любви утолить – до смешного наивно,
Где вдохи и выдохи льют из пустого в порожнее.
А душная зависть при этом так странно взаимна.

Но будто тягучие волны сердечного моря
Чуть-чуть начинают горячей руке поддаваться.
И слава Создателю, в этом с собою не в ссоре —
Мне каждый подаренный год как всегда – восемнадцать.

Как было бы просто назваться снегурочкой,.. что вы!
Прозрачность и лёд – не моё состоянье, поверьте.
Пылает в груди изначальное вечное Слово,
А значит и я не подвержена призрачной смерти.

Весна – кудесница

Весна-работница – всё по двору да по воду.
И коромысло тяжело, и вёдра полные.
Печалью-радостью к предутреннему холоду,
К теплу вечернему – накатывает волнами.

Весна-кудесница – развешивает пологи —
Туманов таинство и солнечное кружево.
Тенями снежными запутав долгополыми,
Всё потешается над нами неуклюжими.

Весна-разлучница – где старое, где новое —
Перемешалось небывалыми проказами.
Зелёным ключиком и белыми оковами
Не удержать, не спрятать беглый мир за пазухой.

«Все равно, как ляжет карта – так ли, Эдак ...»

Все равно, как ляжет карта – так ли, эдак —
Фарт весеннего азарта напоследок
Обожжёт внезапным ветром обновлений.
Упадёт завеса тайны. Мастер – гений.
Взгляд далече, сердце песней, руки в глине.
Одинёшенек, вселенной посредине.
И рассыпанные звёздные осколки
На оттаявшем сквозном небесном шёлке.
Вдох последний, первый выдох – всё едино.
Оживает чудотворная картина.
И разносит в пух и прах моё неверье.
Ты возьми меня сегодня в подмастерья!

«Лопнул бамбуковый обод, и нет ведра...»

«За многие годы не смогла монахиня Чийоно достичь просветления. Как-то ночью, она несла старое ведро, наполненное водой. По дороге она наблюдала, как полная луна отразилась в ведре с водой. Вдруг бамбуковые полоски, стягивающие ведро, разорвались, и оно разлетелось на части. Вода хлынула наружу, отражение луны исчезло, и Чийоно стала Просветлённой...»

(Из притчи)

Лопнул бамбуковый обод, и нет ведра.
Лопнули ленты, свивавшие снов пелёны.
Хлынула под ноги жизни вода... Чийоно,
Вот простота, что как тысячи будд мудра!

Руки и сердце пусты, и срывает ночь
Песню души с расплескавшихся лунных клавиш.
Слышишь – такая тишь, что себя теряешь.
Чуешь – потоки слёз, что нести невмочь!

Здесь, на тропе, обвивающей склон холма,
Вдруг, или может, не вдруг, только так случилось...
Сердце подскажет, где ждёт тебя божья милость,

Лопнет бамбуковый обод, и сгинет тьма!

Молитва

Радуюсь, Господи. Тихо, светло и с надеждою,
В долгой затворной вечерней молитве, как водится.
Благоуханной амритой, пресветлой и нежною
Ткёт небеса надо мною твоя Богородица.

Радуюсь, Господи. В жажде души и желании
Выплакать, выплеснуть, высветлить сердце до донышка.
Чтоб налегке, навсегда, на едином дыхании
Жизнями плыть безымянным листочком-судёнышком.

Радуюсь, Господи. Может, не так заповедано,
Может, нескладно слагаю душевные слабости.
Только иначе уже не могу. И заведомо,
Пусть со слезами, но, веришь ли, Господи – в радости.

«Просыпайся... и в миг...»

Просыпайся... и в миг,
когда лезвие жгучего сна
резанёт напоследок
по мертвенной коже рассвета —
поспешి зацепиться
сердечной пульсацией света
за подводные камни
ночного остывшего дна.

Нипочём не сдавайся —
когда пробуждённый поток
всколыхнув основание мира,
сорвав отложения,
будет рвать и метать!
Его острое горькое жжение
самого же себя измотав,
вдруг уляжется в срок...

И растопится тьма
векового тяжёлого льда
зазеркального счастья.
Осознанно и откровенно
распахнётся душа,
охватив необъятность Вселенной,

понимая, что не было сна —
никогда, никогда...

«По-над августом застывшим...»

По-над августом застывшим,
По-над пропастью во ржи
Дни висят багряной вишней
На ветвях моей души.

Словно росные капли,
Словно солнце в хрустале
Растворятся недели
По натруженной земле.

Колокольчиком призывным
В лабиринтах спелой хны
Разливает месяц дивный
Изобилье тишины.

И туман уносит ветром,
Как венчальную вуаль —
По-над августом стоцветным
Да в неведомую даль.

«Мчится Август через поле на малиновом коне...»

Мчится Август через поле на малиновом коне.
Золотая моя доля вечно снится, но не мне.
А в мои ладони дождик, а в мои ладони снег.
Вечерами трогать можно августовский тихий свет.

Звёздным соком хризантемы, паутинки на ветру.
Колокольные напевы хороводят на юру.
Ах, когда ещё ненастье выткет саван февралю.
А во снах приходит счастье, только я уже не сплю.

Ярило

Ой ты, гой еси, Ярило – Солнце вешнее,
Диво-Велесово дитяtko пригожее!
Мы, от мала до велика, ждём, сердешные —
Ты пошли нам утро светлое погожее!

Порадей своими взорами атласными,
Обогрей лучами огненного золота.
Чтобы рады были девицы да ласковы,
Чтоб здоровы были молодцы да молоды.

Лучезарный, ясноокий Свет-Ярилушка!
Ты любим Богами, чтим людьми смиренными.
Богатырской удалою доброй силушкой
Удивляешь небеса и землю бренную.

Полнишь мир людской делами любомудрыми,
А сердца – отрадой райскою чудесною:
Вот Микула Селянинович полуднями
Землю Матушку распахивает с песнею!

И с простёртыми к тебе руками-крыльями
В упоительном порыве притяжения,
Словно лебеди, вытягиваем выи мы,
Заставляя жилы петь от напряжения.

Гой еси, Ярило – Солнышко весеннее!
В добрый путь да на свершения великие!
Мы с тобою – в пробужденье-воскресение,
Мы с тобою – как лучи твои столикие!

Плач Светаны

Что ты слёзы проливаешь, душа-девица,
Что ты клонишься к пригорку тонким деревцем?
Без родимых ли осталась сиротинушкой?
Расскажи, Светана о своей кручинушке.

– Люди добрые, кручина непомерная —
Виновата в смерти милого, наверно я...
Полюбила пастушка, да так нечаянно,
Без ответа, без надежды на венчание.

Нарекли его недаром бога тёзкою —
Белолицый, сребровласый, стан берёзкою,
На свирелице играет, прехорошенький!
Ох, измаялось сердечко, лёли-лешеньки...

Под свирель его волшебную да звонкую
Вековала б с ним влюблённою девчонкою.
Да ни взгляда, ни привета в мою сторону.
Оттого в душе забились злые вороны!

Ну, а Лель себе играет, потешается.
Хороводят рядом цветики-красавицы,
Вторят музыке и птицы поднебесные,
И зверьё как зачарованное песнями!

Как привлечь к себе любимого – гадала я,
Речку спрашивала, струи ветра шалого.
Лишь огонь мне подсказал, что сделать надобно.
Будешь ты теперь со мною, Лель мой, ладо мой!

Тростниковая свирель твоя не вечная.
Будут нам другие песни – подвенечные!
Так сгорел подарок Бога,.. с ним и Лелюшка —
От тоски угас родимый за неделюшку.

Что же сердцем неразумным натворила я.
Виновата, виновата в смерти милого!
На ветру тростник поёт, и рвётся душенька —
Будто Лель живой играет, оле-люшеньки...

– Что ж ты слёзы проливаешь, душа-девица,
Что ж ты клонишься к пригорку тонким деревцем?
Знать, судьбина пастушку такая дадена —
Не свирель, а жизнь его тобой украдена...

«А слабо прокатиться на лифте за верхний предел...»

А слабо прокатиться на лифте за верхний предел
Серобоккой высотной коробки и вырваться в небо!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.